

ОДНЫЕ

ОТГОЛОСКИ

РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 септембра 1880 г.

Шрифтъ словолитни М. О. Вольфа.
Печать типографіи Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ.

M. Kalicky

РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

Составленный П. ПОЛЕВЫМЪ.

СЪ РИСУНКАМИ И. ПАНОВА,

ГРАВИРОВАННЫМИ

ПАННЕМАКЕРОМЪ, ВЪ ПАРИЖѢ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Волковъ П. П.

ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Михалкова.

Маврикій Осиповичъ Волфъ

«Эти бѣдныя селеня,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...»

1855 г.

Гютчевъ.

Люблю отчизну я, но странную любовью...
... Люблю — за что, не знаю самъ —
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ,
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащія огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

1841 г.

Лермонтовъ.

203062

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ началѣ 1876 года вышло въ свѣтъ первое изданіе *Родныхъ Отголосковъ* и обратило на себя общее вниманіе не только у насъ, но и за границею. Книгу, отпечатанную въ Парижѣ, еще на лѣстѣ, стали раскупать изъ типографіи, по слухамъ, такъ какъ о ней еще нигдѣ не было помѣщено никакихъ объявленій. Благодаря этому, сборникъ почти одновременно явился въ рукахъ русскаго юношества въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ Нициѣ и на островѣ Вайтѣ. Одна изъ самыхъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, спеціально торгующая дѣтскими книгами, тотчасъ купила у издателя право на печатаніе гравюръ, помѣщенныхъ въ *Родныхъ Отголоскахъ*, и онѣ до сихъ поръ появляются на страницахъ различныхъ англійскихъ и американскихъ изданій для юношества.

Въ самой Россіи *Роднымъ Отголоскамъ* посчастливилось... Книга распространилась широко и проникла въ массу публики; ее покупали и родители для дѣтей, и дѣти для родителей, и

взрослые для взрослыхъ. Родные Отголоски заняли видное мѣсто въ гостиной — среди роскошныхъ кипсэковъ, въ дѣтской среди любимыхъ игрушекъ ребенка, едва обучившагося грамотѣ, на скромномъ рабочемъ столикѣ молодой дѣвушки — между любимыми книжками, и на полкѣ школьной библиотеки — въ ряду наградъ „за успѣхи въ наукахъ“.

Причины распространенія сборника отчасти лежали въ самой задачѣ его. Выставляя на видъ простую, нелудрую обстановку нашего народнаго быта, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякой идеализаціи, въ тѣсной связи съ живыми, поэтическими образами, — Родные Отголоски внятно говорили каждому русскому сердцу, напоминая о той родной почвѣ, отъ которой такъ часто отрываетъ насъ жизнь большихъ городовъ. Есть основаніе думать, что въ этомъ именно смыслѣ Родные Отголоски еще долго не утратятъ своего воспитывающаго значенія въ обширной средѣ подрастающихъ поколѣній русскаго юношества.

Это предположеніе отчасти подтверждается явившеюся потребностью въ новомъ изданіи сборника, который мы и издаемъ въ свѣтъ безъ всякихъ измѣненій.

М. О. ВОЛЬФЪ.

С. Петербургъ,
9 сентября 1880 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

В то время, когда заканчивалось печатаніе моихъ Русскихъ народныхъ сказокъ, я задумалъ издать въ свѣтъ такой сборникъ стихотвореній нашихъ поэтовъ, который бы могъ послужить благодарною канвою для богатой и разнообразной иллюстраціи великорусскаго народнаго быта.

Моя мысль очень полюбилась И. С. Панову, который принялъ на себя выолненіе задуманной задачи со стороны художественной. Съ большою любовью изучая каждое стихотвореніе, какъ отдѣльное цѣлое, во всѣхъ его подробностяхъ, художникъ приступилъ къ своему дѣлу, и, шагъ за шагомъ, все болѣе и болѣе увлекаясь, все шире и шире раздвигая тѣсныя грани первоначальнаго плана, онъ создалъ, въ теченіе прошлаго года, всю ту массу рисунковъ, которою украшены страницы Родныхъ Отголосковъ.

Первые рисунки, изготовленные для моего новаго сборника, понравились не только мнѣ, но и добрѣйшему Паннелакеру — этому патриарху парижскихъ гравировъ — настолько, что онъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе, и передалъ ихъ въ гравюрѣ почти *fac-simile*.... Но, влѣсть съ тѣмъ, Паннелакеръ посоветовалъ мнѣ не печатать мой сборникъ въ Парижѣ, опасаясь того, что важнѣйшая сторона его — художественная — много должна будетъ проиграть отъ неумѣлой приправки или небрежнаго печатанія рисунковъ.

Испытавъ много неудачъ при печатаніи рисунковъ въ моихъ прежнихъ изданіяхъ, я рѣшился на этотъ разъ послѣдовать совѣту моего уважаемаго сотрудника, положился на его опытность, и долгомъ считаю здѣсь же заявить ему мою глубокую признательность.

Въ какой степени удаченъ мой новый опытъ — предоставляю судить любителямъ изящнаго. Что же касается до меня, то я, признаюсь, совершенно спокойно ожидаю отзывовъ о моемъ изданіи: я сдѣлалъ все, что въ настоящее время позволяли мнѣ выполнить мои силы и средства.

Кто можетъ сдѣлать лучше — тому я уступаю дорогу....

П. ПОЛЕВОЙ.

Парижъ,
 $\frac{4}{16}$ ноября 1875 г.

1. Весна	<i>Майкова.</i>
2. Весеннія воды	<i>Тютчева.</i>
3. Появленіе весны	<i>Пушкина.</i>
4. Мазай	<i>Некрасова.</i>
5. Весенняя гроза	<i>Тютчева.</i>
6. Садикъ	<i>Плещеева.</i>
7. Пчелки	<i>Некрасова.</i>
8. Соха	<i>Никитина.</i>
9. Пахарь и цвѣтокъ	<i>(Изъ Бёрнса.)</i>
10. Рыбка	<i>Фета.</i>
11. Казачья колыбельная пѣсня	<i>Лермонтова.</i>
12. Картинка	<i>Майкова.</i>
13. Утро на берегу озера	<i>Никитина.</i>
14. Лѣтній дождь	<i>Майкова.</i>
15. Загадка	<i>Жуковского.</i>
16. Пѣсня пахаря	<i>Кольцова.</i>
17. Нива	<i>Жадовской.</i>
18. Урожай	<i>Кольцова.</i>
19. Косарь	<i>Кольцова.</i>
20. Сѣнокось	<i>Майкова.</i>
21. Выѣздъ ямщика	<i>Никитина.</i>
22. Двѣ дороги	<i>И. Аксакова.</i>
23. Власъ	<i>Некрасова.</i>

24. Обитель	<i>Козлова.</i>
25. Дядюшка Яковъ	<i>Некрасова.</i>
26. Рыбная ловля	<i>Майкова.</i>
27. Нива	<i>Майкова.</i>
28. Гнѣздо ласточки	<i>Никитина.</i>
29. Всенощная	<i>И. Аксакова.</i>
30. Вечеръ	<i>И. Аксакова.</i>
31. Пѣсня дѣвушекъ	<i>Пушкина.</i>
32. Ласточки	<i>Майкова.</i>
33. Бородино	<i>Лермонтова.</i>
34. Осень	<i>Пушкина.</i>
35. Слезы	<i>Тютчева.</i>
36. Осень	<i>Баратынскаго.</i>
37. Зима пришла	<i>Пушкина.</i>
38. Зимняя дорога	<i>Пушкина.</i>
39. Изба	* *
40. Береза	<i>Фета.</i>
41. Зимній вечеръ	<i>Пушкина.</i>
42. Деревенскій сторожъ	* *
43. Обозъ	<i>Никитина.</i>
44. Крестьянская пирушка	<i>Кольцова.</i>
45. Святки	<i>Жуковскаго.</i>
46. Бѣсы	<i>Пушкина.</i>
47. Генералъ Топтыгинъ	<i>Некрасова.</i>
48. Мужичекъ — съ ноготокъ	<i>Некрасова.</i>
49. Дѣдушка	<i>Никитина.</i>
50. Вѣтка Палестины	<i>Лермонтова.</i>

ВЕСНА.

есна; выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна . . .

И хочется въ поле, — въ широкое поле,
Гдѣ шествуя сыплетъ цвѣтами весна!

Майковъ.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

ще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ . . .

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! весна идетъ!
Мы молодой весны гонцы:
Она насъ выслала впередъ . . .»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Тютчевъ.

ПОЯВЛЕНІЕ ВЕСНЫ.

они,мы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса

Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;

Стада шумятъ, и соловей
Ужь пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

ДѢДУШКА МАЗАЙ.

... Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ — ихъ много съ рѣки

Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Бду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой —
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣрькамъ; ужь подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.

Туть я подѣхалъ: лопочуть ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: «прыгайте сами!»
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
«То-то!» сказалъ я: «не спорьте со мной!»
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка, —
Взялъ и его — тягота не велика!
Только-что началъ работать весломъ,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ —
Сильно дрожала . . . Не рано ужь было.
Мимо бревно суковатое плыю:
Сидя и стоя, и лежа пластомъ,

Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
«Взяль-бы я васъ — да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку —
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ . . .
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
«Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились,
Тутъ мои зайчики точно взбѣсались:
Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые! . . .
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ и — «съ Богомъ!» сказалъ . . .

И во весь духъ
Пошли зайчишки.
А я имъ: «у-хъ!
Живѣй, звѣришки!
Смотри, косою,
Теперь спасайся,
А чуръ — зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь — бухъ!
И ляжешь . . . Ууу-хъ!..»

Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ покладъ — и домой приволокъ,
За-ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выпались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ — и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
«Не попадайтесь зимой!»

Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ:
Шкура плохая, — линяетъ косою.

Некрасовъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу в началъ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые . . .
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли капли дождевыя,
И солнце нивы золотитъ;
Съ горы летитъ потокъ проворный;
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ . . .

Тютчевъ.

МОЙ САДИКЪ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь . . .

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ;
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ.

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой . . .

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ сѣтью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжать;

А когда на садикъ сыплетъ
Блескъ лучей своихъ луна,
Я сажусь въ раздумѣ тихомъ
У открытаго окна.

Посребренныхъ и дрожащихъ
Листьевъ я внимаю шумъ,
И, одна другой смѣняясь,
Грезы мнѣ волнуютъ умъ.

Плещеевъ.

ПЧЕЛЫ.

а-т-ко медку! съ караваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!

Нынче не въ мѣру вода разлилась.
Думали, — просто идетъ наводненіе,

Только и сухо, что наше селеніе
Да огороды, гдѣ улы у насъ.

Пчелка осталась водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ, и луга вдаль,
Ну — и летитъ, ничего, на-легкѣ;
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силь не хватаетъ у милой... Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода —
Тонуть работницы, тонуть сердечныя!...
Горю помочь мы не чаяли, грѣшныя,
Не догадаться самимъ-бы во-вѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго.
Подъ Благовѣщенье помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ — Христовъ человѣкъ!

Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили...
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ:
«Вы-бы имъ до-суши вѣхи поставили» —
Это онъ слово сказалъ!

Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валятъ, и валятъ отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ
Сѣли — сидятъ. На бугрѣ-то ни травочки,
Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать —

Все отъ единого слова хорошаго!
Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!»

Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ караваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ,
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Некрасовъ.

СОХА.

Ты соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

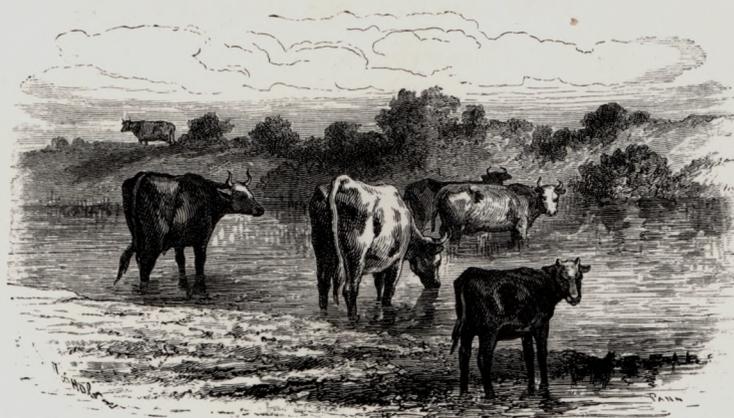
Про тебя и вспомнить некому...
Что-жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная!..

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоить соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается;
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужь и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

Никитинъ.

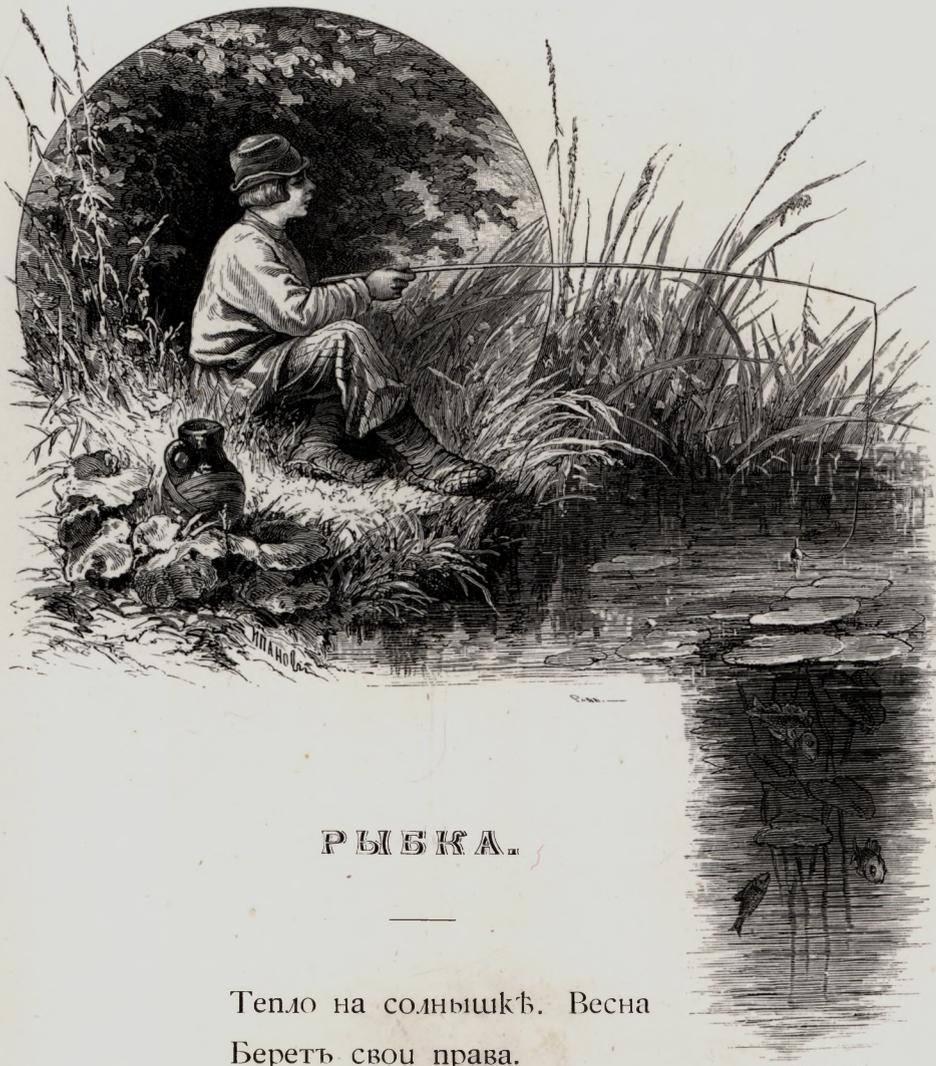

ПАХАРЬ И ЦВѢТОКЪ.

вѣтокъ смиренный полевой!
Въ недобрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ вель я плугъ, твой стебелекъ
 Былъ на пути...
Краса долины! я не могъ
 Тебя спасти.
Ты скромно въ зелени мелькаль,
Какъ синенькій глазокъ; ты ждалъ
Привѣта солнышка — и вдругъ
Тебя скосилъ мой острый плугъ,
 И погубилъ.

(Изъ Бёрнса).

РЫБКА.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Береть свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ растеть трава.

Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ:
Шалунья рыбка, вижу я,
Играеть съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама — какъ серебро,
Глаза — бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ, не дрогнетъ подъ водой...
Пора! — червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой! авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

Фетъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСНЯ.

пи, младенецъ мой прекрасный;
Баюшки-баю.

Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;

Ты-жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;

Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье!

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью! . .

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,

Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой . . .

Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью! . .

Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать,

Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю . . .

Спи-жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.

Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою . . .

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

КАРТИНКА.

осмотри, въ избѣ мерца,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову,
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы,
Уняли ребятъ.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотреть,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что-жь такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣть
Грамотѣ она;

И пришлось ей — младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Сно утро. Тихо вѣтъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣтъ;
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракушекъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блещетъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракушкамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку,
Тянуть сътъ съ трудомъ.

По травѣ въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенить.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

«Тянуть, тянуть!» закричали
Ребятишки вдругъ:
«Вдоволь, чай, теперь поймали
И лией, и шукъ!»

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
— «Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ, —
Нечего глядѣть!»

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли.
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли —
Рыбу класть въ мѣшокъ.

Никитинъ.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

«Золото, золото падаетъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— «Полноте, дѣти, его мы сберемъ:
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!»

Майковъ.

ЗАГАДКА.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! Огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему — онъ прочь стремится,
И, въ то же время, недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родился,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

Жуковскій.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу,
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю . . .
Ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоить, вскормить
Мать земля сырая;
Выдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колось,
Станетъ спѣть, рядиться,
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Кольцовъ.

НИВА.

ива моя, нива,
Нива золотая!

Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.

По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,

Волны такъ и ходять,
Ходять на просторѣ;

Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;

Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.

Зрѣешь ты и спѣешь,
Колось наливая,

О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.

Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую,

Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

Жадовская.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется:

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась —
Что задумалась;
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается —
Грономъ бурю,
Огнемъ - молніей,
Дугой - радугой;

Ополчилась —
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною, —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не намотрятся:

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися,

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разбѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкой,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремить колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ - лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается..!

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кольцовъ.

КОСАРЬ.

Я куплю себѣ
Косу новую,
И прости-прощай,
Село родное...
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ...

Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Ковылемъ-травой
Разстилагается . . .

Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косою вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося . . .

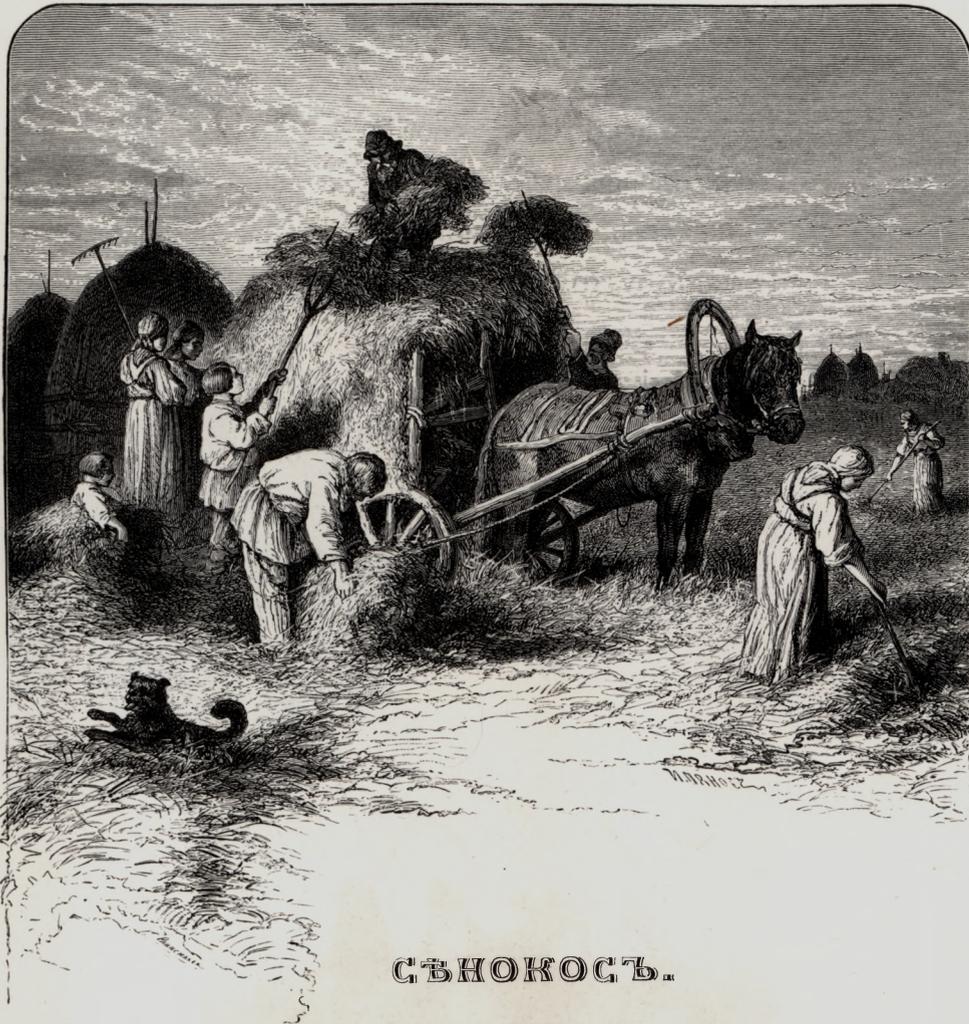
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!

Освѣжи, взволнуй
Степь просторную . . .
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная,
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете!

Нагребу копень,
Намечу стоговъ: —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

Кольцовъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами . . .
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы, съ граблями, рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ — сухое убираютъ;
Мужички его кругомъ

На возъ вилами кидаютъ.
Возъ растеть, растеть какъ домъ...

Въ ожиданьѣ, конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врезъ, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

Майковъ.

ВЫЪЗДЪ ЯМЩИКА.

у, кажись, я готовъ:
Вотъ мой кафтанишко,
Рукавицы на мнѣ,
Новый кнутъ подъ мышкой . . .

Слышь, жена! погляди —
Каковы уздечки?
Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
Вотъ мохры, колечки.

А дуга-то, дуга,
Въ золотѣ сіяетъ . . .
Прр . . . шалишь, коренной!
Знай, песокъ копаетъ.

Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!..
Такъ кнутомъ проучу —
Станетъ небу жарко!..

Сидоръ возжи возьметъ, —
Чорта не боится!
Пролетитъ, — на него
Облачко дивится!

Только крикнешь: «ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!» —
Отстаешь позади
Вѣтеръ перелетный!

А сѣдокъ-отъ мнѣ тѣфу!
Коли скажетъ: «легче!»
Нѣтъ, — молъ, сѣлъ, такъ седи,
Да держись покрѣпче.

Ужь у насъ, коли лѣнь —
День и ночь спимъ сряду;
Коли пиръ, — на-повалъ;
Трудъ — такъ до упаду;

Коли ѣхать — катай!
Головы не жалко!..
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги — гладко!..

Ну, Матрена, прощай!
Оставайся съ Богомъ;
Жди обновки себѣ,
Да гляди за домою.

Да! — кобылѣ больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, въ путь! Шевелись!
Эхъ, какъ понеслся!
Берегись, ты мужикъ,
Глухъ что-ль?.. берегись!..

Никитинъ.

ДВѢ ДОРОГИ.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты вдаль протянулась — пряма, какъ стрѣла, —
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта...
Въ тебѣ, что-ни-шагъ, то мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято, —
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковья просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь бымо бѣ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!..

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!

Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?

Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!

Немного ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла!

Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,

И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха.
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

ВЛАСЬ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ съдой.

На груди икона мѣдная:
Просить онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы;

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельскѣ,
Проберется и въ Рязань.

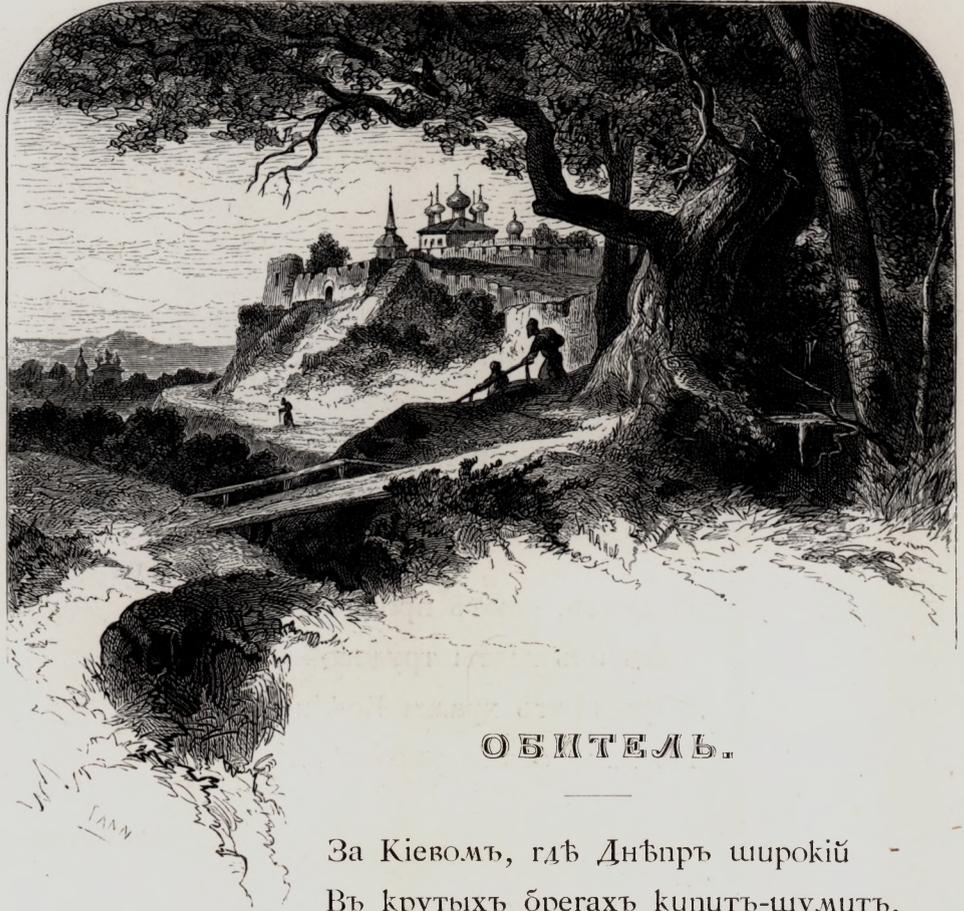
Ходить съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собою говорить,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.

Ходить въ зимушку студеную,
Ходить въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.

И даютъ, даютъ прохожіе:
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной!..

Некрасовъ.

ОБИТЕЛЬ.

За Києвомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипить-шумить,
У роши, на горѣ высокой,
Обитель иноковъ стоитъ.

Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И посрединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;

Рядъ келій, темный переходъ;
Часовня у святыхъ воротъ,
Съ чудотворящею иконой;

А подлѣ — ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой.

Козловъ.

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ.

Домъ — не тележка у дядюшки Якова!
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!

Сѣденькій самъ, а лошадка каракова;
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.

Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу;
Рады ему, да и онъ-то того!..
Выпито вѣчно, и сытъ слава Богу.
Пусто въ деревнѣ — ему ничего:
Знаетъ, гдѣ люди! И куплю, и мѣну
На полосахъ поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну
Онъ тебѣ все, что полюбится — на!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу...
Ѣздитъ, кричитъ то-и-знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

— «Стой, старина!» Старика обступили,
Парней и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!
У дядюшки у Якова
Про бабъ товару всякаго:
Ситцу хорошаго
Нарядно, дешево!»

Эй, молодицы!
Красны дѣвицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все — чего надо!..»

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Лень и полотна, и пряжу несутъ.
«Стойте! не вдругъ! бѣлены вы обѣлись?
Тише! поспѣете!..» Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгошъ, а то просто бѣда-бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаются, только держись:

«Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись!»

— «Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь — бери; а не хочешь — прощай!

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!
У дядюшки Якова
Хватить про всякаго.
Новы коврижки —

Гляди-ко: книжки!
Мальчикъ-сударикъ,
Купи букварикъ!
Отцы почтенны!
Книжки не цѣнны;
По гривнѣ штука —
Дѣткамъ наука!
Букварь не пряникъ,
А какъ раскусишь —
Слаще орѣха!
Ее-ей, утѣха!
Умень съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь...

По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей таки много купили:
«Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужь такъ старикамъ.

Книжки съ картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тутъ!

Молча крѣпилась Оеклуша-сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ!
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжался, даль ей букварь старина:
«Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!»

Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!

«По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!»

Некрасовъ.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

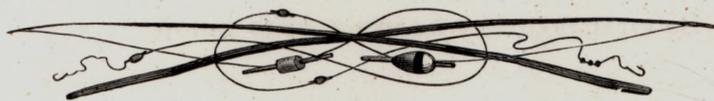
Вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро; смотрю — какая гладь!
Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы,
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ . . .
Смотрю — усачь-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ, и удить на булавку.
«Что, служба?» крикнулъ я. — «Пришли побаловать
Маленько,» говоритъ. — «Нѣтъ, клевъ-то какъ, служивый?»
— «А, клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый

«Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать.»

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
Закину,» думаю я, «разикъ — и назадъ!
Есть мѣсто-жь у меня завѣтное: тамъ скатъ
Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменя...»
Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.
Злодѣи-рыбаки ужь тутъ давно: вонъ съ челномъ
Запрятался въ тростникъ, тотъ шарить въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьѣ ихъ безмолвномъ,
Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ;
Лишь свиснетъ въ воздухѣ леса волосяная,
Да вздохъ послышится — упорно всѣ молчать
И зорко издали другъ за другомъ слѣдятъ.
Межъ тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная:
Стрекозы синія колеблютъ поплавки
И тощѣ кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, серебась, снѣтковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая.
Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, — и, трепеща,
Всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилицѣ гнуткомъ
Выводитъ на воду упорнаго леща...
И черно-золотой красавецъ повернулся,
И вдругъ взмахнулъ хвостомъ, испуганный, рванулся...
«Отдай, отдай!» кричатъ, и снова въ глубину

Идетъ чудовище, и ходитъ вся въ струну
Натянута леса... дрожь вчужьъ пробираетъ!..
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ!
Тащу — зияетъ пасть зубастая — и вдругъ
Взвилась моя леса свистя, надъ головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку предъ тою же травкою
Тихонько завожу и жду, едва дыща...
Клюетъ... Напрягся я, и со всего размаха,
Исполняя надеждъ, волнуясь отъ страха,
Выкидываю вверхъ чуть виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу;
Клянущу себя, людей и мѣръ за неудачу.
И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокий.

Майковъ.

НИВА.

о нивѣ прохожу я узкою межей,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.

Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.

Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо. Иду я наклоняясь,

Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,

Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно

Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной

Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемя, вижу я — на всемъ поляхъ просторѣ.

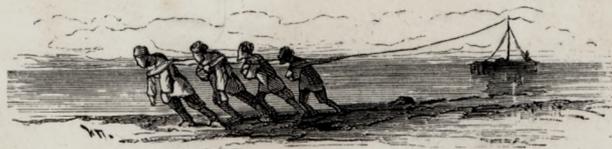
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;

Вонъ — по зарѣ стучать проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;

Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся вдоль рѣки;

Гуськомъ, какъ муравьи, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

Майковъ.

ГНѢЗДО ЛАСТОЧКИ.

и пить вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ — и стукъ, и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожить...

Шумить вода, рукавъ трясеть,
На камни рожь дождемъ течеть,
Подъ жерновомъ муку родить:
Идегъ мука, въ глаза пылить.
Одна пѣвунья ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила, слѣпила гнѣздышко...
Дѣтьми обзавелась.
Поетъ, пока не выгнали;
Чужой-то кровъ — не свой:
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.
Въ ночь темную подъ крылышко
Головку подогнетъ,
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ, —
Носкомъ не шевелѣнетъ.

Никитинъ.

ВСЕНОЩНАЯ.

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;

И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчми уставлены.

И старь, и младь войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...

И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:

О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся;

О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана,

И заходящими
Лучами сильными,

И вкось блестящими
Столбами пыльными

Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится...

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной.

И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!..

И. Аксаковъ.

ВЕЧЕРЪ..

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада,
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулись съ работъ.

Потемнѣтъ заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!..

Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась, остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.

По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились:
Встрѣтитъ ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.

Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!..

Гдѣ-жь крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они;
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни!

Нѣтъ! ужь дождь ихъ къ утру не разбудить:
Облака давно сбѣжали прочь.
Что за вечерь! и какая будетъ
Тихая и мѣсячная ночь.

И. Аксаковъ.

ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

«Дѣвицы-красавицы,
Душеньки-подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милья!

Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,

Заманите молодца
Къ хороводу нашему.

Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милья!

Закидаемъ вишеньемъ!
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной!

Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

Пушкинъ.

Л А С Т О Ч К И .

ой садъ съ кажды́мъ днемъ увядае́тъ,
Память онъ, поломанъ и пу́стъ,
Хоть пышно еще доцвѣтае́тъ
Настурци́й въ немъ огненный ку́стъ...
Мнѣ гру́стно! Меня раздражае́тъ
И солнца осенняго блескъ,
И листь, что съ березы спадае́тъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо подъ окномъ,
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу,
Солома обвѣтрилась въ немъ...
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!
Какъ весель былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ,
Какъ любо имъ было, когда

Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи,
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужь въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О еслибы крылья и мнѣ!

Майковъ.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жь схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— «Да! были люди въ наше время!

Не то, что нынѣшнее племя:

Богатыри — не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля...

Не будь на то Господня воля,

Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

Что-жь мы? на зимнія квартиры?

Не смѣютъ что-ли командиры

Чужіе изорвать мундиры

О Русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:

Есть разгуляться гдѣ на волю!

Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушкѣ!

Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса синія верхушки,

Французы — тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,

И думалъ: угощу я друга!

Постой-ка, братъ, мусью!

Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою!

Ужь мы пойдёмъ ломить стѣною,

Ужь постоимъ мы головою

За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?

Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратся до картечи!»
И вотъ, на поле грозной сѣчи

Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,

Какъ ликовалъ Французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?

Умремте-жь подъ Москвой,

Какъ наши братья умирали!»

— И умереть мы обѣщали

И клятву вѣрности сдержали

Мы въ бородинскій бой.

Ну-жь, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,

И все на нашъ редуть.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,

Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...

Носились знамена какъ тѣни,

Въ дыму огонь блестѣлъ,

Звучаль булатъ, картечь визжала,

Рука бойцовъ колоть устала,

И ядрамъ пролетать мѣшала

Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,

Что значить Русскій бой удалый, —

Нашъ рукопашный бой!...

Земля тряслась — какъ наши груди;

Смѣшались въ кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудій

Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы

Заутра бой затѣять новый

И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны —

И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать.

НАСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ.

Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало;
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора —

Стояль ноябрь ужь у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужь коровъ изъ хлѣва,
И, въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

Пушкинъ.

СЛЕЗЫ.

лезы людскія, о слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой, —
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистошима, неисчислима, —
Льетесь, какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую, порою ночной.

Тютчевъ.

ГЛУХАЯ ОСЕНЬ.

Гдѣ сладкій шепоть
Моихъ лѣсовъ?

Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?

Деревья голы;
Коверъ зимы

Покрѣль холмы,
Луга и доли.

Подъ ледяной
Своей корою

Ручей нѣмѣеть;
Все цѣпенѣеть,

Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воеетъ,

И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

Зима... крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;

Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью, какъ-нибудь;

Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;

Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Вотъ ѡбѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,

Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужь заморозилъ пальчикъ;

Ему и больно, и смѣшно —
А мать грозитъ ему въ окно.

Пушкинъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

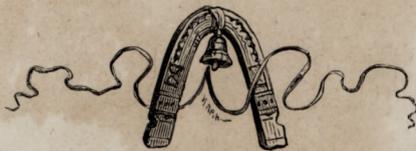
Квозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжить,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ящика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты —
Глушь и снѣгъ... навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Пушкинъ.

ИЗБА.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится.
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужь спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томить;

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

БЕРЕЗА.

Безжалостная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздь винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу съ вѣтвей.

Фетъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

В уря мглою небо
кроетъ,
Вихри снѣжные
крутя;

То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшаной
Вдругъ соломой зашумитъ;
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна, —
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,

Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя.

Пушкинъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

очь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночью.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ, —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышеть скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вокругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходить онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ
Тяжелѣй тоска!

ОБОЗЪ.

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглись, и мѣсяцъ, что лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ;
То взѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дороге онъ вновь показался
И на гору сталъ подниматься шагкомъ;
Вотъ слышно, какъ снѣгъ закрипѣлъ подъ санями
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идуть мужики.

Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеимилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови,
И бороды иней пушистый покрылъ.

Никитинъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на сняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;

Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ, — куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ :
Про хлѣба, про покось,
Про старинушку :
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродить намъ ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будеть зелено ?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись ;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ ;
Отъ ворсть поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Кольцовъ.

СВЯТКИ.

Азъ въ крещенскій вечерокъ,
Дѣвушки гадали:

За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;

Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили

Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;

Въ чашу съ чистою водою
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны.

Разстлали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Что, подруженька, съ тобой?

Вымолви словечко;

Слушай пѣсни круговой;

Вынь себѣ колечко.

Пой, красавица: «кузнецъ,

«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,

«Скуй кольцо златое.

«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,

«Обручаться тѣмъ кольцомъ,

«При святомъ налоѣ».

Жуковский.

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Бду, бду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ — динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ

Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. — «Нѣтъ мочи:

Конямъ, баринъ, тяжело;

Вьюга мнѣ слипаетъ очи;

Всѣ дороги занесло;

Хоть убей, слѣда не видно;

Сбились мы. Что дѣлать намъ!

Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,

Да кружить по сторонамъ.»

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,

Дуетъ, плюетъ на меня;

Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ

Одичалаго коня;

Тамъ верстою небывалой

Онъ торчалъ передо мной;

Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой

И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;

Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ летучій;

Мутно небо, ночь мутна.

Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;

Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали... — Что тамъ въ полѣ? —

«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;

Кони чуткіе храпятъ;

Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,

Лишь глаза во мглѣ горять!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ — динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ...

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Бутдо листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового-ли хоронять,
Вѣдьму-ль замужъ выдають?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна...
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Пушкинъ.

Д

Ѣло подь вечерь, зимой,
И морозецъ знатный.
По дорогѣ столбовой
Ѣдетъ парень молодой,
Ямщикокъ обратный;
Не спѣшитъ, труситъ слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняетъ ямщикокъ
Вожака съ медвѣдемъ...
«Посади насъ, паренекъ,
Веселѣй доѣдемъ!»
— Что ты? Съ Мишкой? — «Ничего!
Онъ у насъ смиренной;
Лишній шкаликъ за него
Поднесу, почтенной!»

— Ну, садитесь! — Посадили
Бородачъ медвѣдя,
Сѣлъ и самъ — и потрусилъ
Полегоньку Федя...
Видитъ Трифонъ кабачокъ,
Приглашаетъ Федю.
«Подожди ты насъ часокъ!»
Говоритъ медвѣдю.
И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно старъ годами,
Только лапу лижетъ онъ
Да звенить цѣпями...
Часъ проходить; нѣтъ ребятъ, —
То-то выпьютъ лихо!
Но привычныя стоятъ
Лошаденки тихо.
Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ;
Стужа злѣе на ночь;
Заворочался въ саняхъ
Михайло Иванычъ,
Кони дернули; стрясась —
Тутъ бѣда большая —
Рявкнулъ Мишка! — понеслась
Тройка, какъ шальная!..
Колокольчикъ услыхалъ,
Выбѣжалъ Федюха,
Да напрасно — не догналъ!
Экая поруха!

Быстро, бѣшено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво;
Только стонъ кругомъ стоялъ:
«Очищай дорогу!
Самъ Топтыгинъ генераль
Бѣдетъ на берлогу!»
Вздрогнетъ встрѣчный мужичокъ,
Жутко станетъ бабѣ,
Какъ мохнатый сѣдочокъ
Рявкнетъ на ухабѣ.
А конямъ подавно страхъ —

Не передохнули!
Версть пятнадцать на весь махъ
Бѣдные отдули!
Прямо къ станціи летитъ
Тройка удалая.
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая;
Ладитъ вывернуть кольцо.
Вотъ и стала тройка;
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко.
Видитъ, ноги въ сапогахъ
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ впопыхахъ,
Что съ желѣзомъ губа,
Не подумалъ: гдѣ ящикъ
Отъ коней гуляетъ?
Видитъ, — баринъ материкъ;
«Генералъ» — смекаетъ.
Поспѣшилъ фуражку снять:
«Здравія желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочетъ барину помочь
Юркой старичишка:
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣль нашъ Мишка!
И смотритель отскочилъ:

«Господи помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ,
А такого не видалъ,
Господи Ісусе!
Небывалый генералъ,
Видно, въ новомъ вкусѣ!...»
Прибѣжали ящики,
Подивились тоже;
Видятъ — дѣло не съ руки,
Что-то тутъ не гоже!
Собралися честной народъ,
Все село въ тревогѣ:
«Генералъ въ саняхъ реветъ,
Какъ медвѣдь въ берлогѣ!»
Трусъ бѣжитъ, а кто смѣлѣй
Тѣ — потѣхи ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсилъ, издали кричить:
«Въ избу не хотите-ль?»
Мишка вновь какъ зарычить!
Убѣжалъ смотритель!
Оробѣлъ и убѣжалъ
И со всею свитой...
Два часа въ саняхъ лежалъ

Генераль сердитый.
Прибѣжали той порой
Ящикъ и вожатой;
Вразумилъ народъ честной
Трифонъ бородатой...

Некрасовъ.

МУЖИЧЕКЪ СЪ НОГОТОКЪ..

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу — поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-узды мужичекъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ — съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»

— Ужь больно ты грозень, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо,
Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу.»
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...»
— Такъ вонъ-оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ»
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миноваль»...
«Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-узды и быстрѣй зашагалъ.

На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто-бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворость, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было...

Некрасовъ.

ДЪДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ, въ избушкѣ закоптѣлой,
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старику немного надо:
Лапти сплестъ, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славить Бога,
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу
Бѣдный мужичокъ?

Никитинъ.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

кажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

3.400 —

133/22.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

203062

Biblioteka WSP Kielce

0073552